
I WAS И НЫНЕ ТАМ
ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
18+
АЛЕКСЕЙ КОРТНЕВ

Алексей Анатольевич Кортнев

I was и ныне там. Отрывочные воспоминания

Серия «Легенды русского рока»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74518026
Алексей Анатольевич Кортнев «I was и ныне там. Отрывочные воспоминания»: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-173783-2

Аннотация

Алексей Кортнев – актер и фронтмен рок-группы «Несчастный случай» в книге мемуаров рассказывает о своих приключениях на пути к славе и самых непредсказуемых перипетиях гастрольной жизни. «Почему вы называетесь “Несчастный случай?”» и «Где Пельш?» – на эти два великих вопроса, а также множество других, музыкант отвечает честно и с юмором.

Кроме неповторимой атмосферы рок-тусовки 90-х и ранних нулевых, в книге можно найти зарисовки из жизни и шаржи, сделанные автором. Алексей Кортнев решил проиллюстрировать самые зажигательные и смешные истории, чтобы читатель смог в полной мере проникнуться ими.

В книге присутствует нецензурная брань!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Для начала 6
«Вай! Вы ли?» 7
Канва и уток 9
«От Игоря!» 12
Пили пиво ведрами 15
О габаритах 20
Слияние и поглощение 24
Поперек проспекта 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Алексей Кортнев
I was и ныне там.
Отрывочные воспоминания

В оформлении использованы иллюстрации Алексея Кортнева.

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

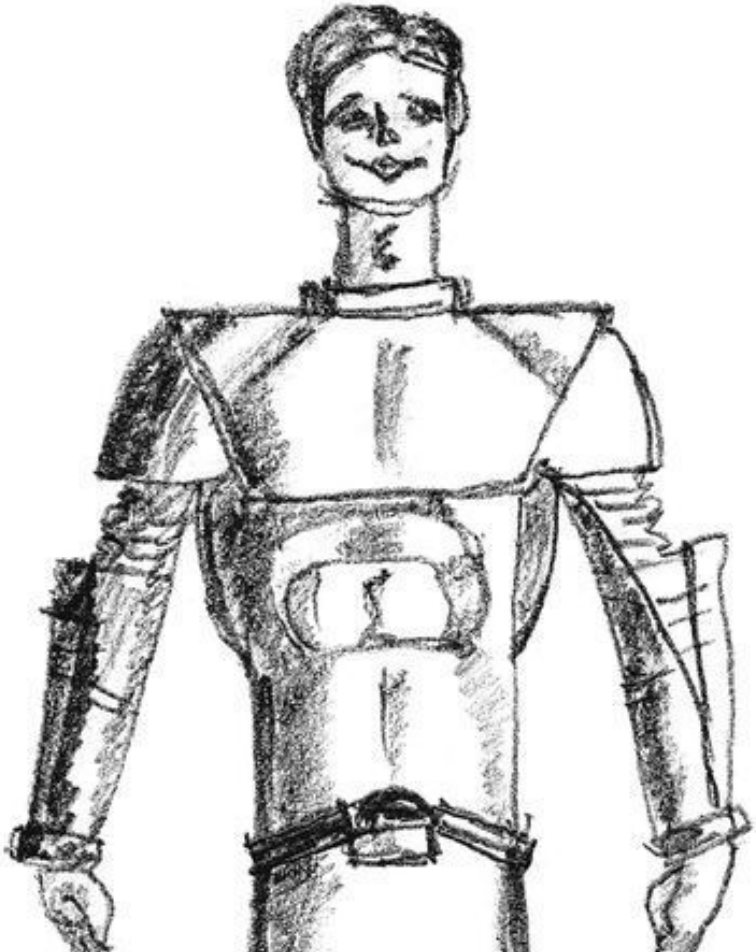
© А. А. Кортнев, текст, иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Что-то мелькнуло над нами.
Что-то мелькнуло, чему б это быть?
С острым концом и двумя головами,
Что-то мелькнуло, и нет его…

Ыть!!!
Андрей Туркин

Для начала

«Вай! Вы ли?»

Я учился в хорошей московской школе в районе площади Гагарина с 1973 по 1983 год – самый пик застоя с его последующим развалом. Школа была с английским уклоном, классы небольшие и очень дружные. Нет, случались, конечно, и драки, и всякие пакости – заговоры и предательства, но какие-то мелкие и милые.

Как раз когда у нас начался английский язык – понесло, так сказать, под уклон! – пришел к нам новенький. Вполне симпатичный мальчишка, вежливый, умный, южной национальности. Звали его Жорик Нафталиев, и говорил он по-русски грамотно, но с заметным акцентом – наверное, семья переехала в Москву незадолго до его появления у нас в классе. Русский-то ладно, русский все стерпит, но когда Жора начинал отвечать на уроке по-английски… Учили мы стихотворение про мальчика Уилли:

Why do you cry, Willy?
Why do you cry?
Why, Willy? Why, Willy?
Why, Willy, why?

Не шедевр, конечно, но сейчас не об этом. Услышав в тексте знакомый оборот «вай!», Жора решил сделать этот стишок своим хитом и вызубрил его первым из класса. Наша ан-

гличанка страшно обрадовалась, когда он, обычно сидевший на уроках с глазами не более выразительными, чем пуговицы на школьной форме, выбросил вверх руку и вызвался отвечать. «Стихотворение про Уилли прочтет… – еще немного пококетничала училка и с улыбкой назвала фамилию, – Нафталиев».

В интерпретации Жоры все английские слова превратились во вполне знакомые русские: «вай», «дую», «край», «вы ли?». Первое «вай» он произносил с непередаваемым подвыванием, в котором были и вопрос, и упрек, и сочувствие. Ну и дальше в том же духе: «Вай, вы ли, вай, вы ли, вай, вы ли, вай!» Англичанка налилась кровью и после его выступления с трудом смогла выдавить: «Садись, Жора. Выливай».

Это я вас познакомил с Жориком. А теперь по делу.

Примерно в то же время на уроках русского мы проходили басни Крылова, в том числе «Лебедя, Щуку и Рака», и в голове у меня прочно засело «да только воз и ныне там». А на английском снова вызвали Жору, и он начал мямлить какую-то фразу из домашнего задания, которая начиналась со слов «I was». «Ай воз, ай воз…» – нудил он, не в силах вспомнить продолжение, и тут я выкрикнул на весь класс: «I was и ныне там!!!»

Так Георгий Нафталиев, ныне гражданин США, подарил мне, а значит, и вам название этой книжки.

Канва и уток

Я пару лет работал в программе Миши Ширвиндта «Хочу все знать» корреспондентом. Во-первых, по дружбе, во-вторых, интересно, да еще по телеку показывают и деньги платят. И делал я репортаж с камвольной фабрики в городке Старая Купавна. Там есть уникальные исторические станки, которые ткут по старинке, неспешно, размашисто… Сопровождавший нашу съемочную группу специалист объяснил мне подробно, что такое канва и утóк.

Ткань возникает от переплетения канвы и уткá. Канва – это прочные продольные нити, как правило не слишком пестрые, наоборот, скорее однотонные. Их задача – обеспечивать прочность ткани, ее эластичность, долговечность. Канва идет вдоль.

То ли дело уток. Это как раз нить, ответственная за рисунок, орнамент, пестроту и оригинальность. Уток снует от края до края полотна, впадает в крайности, так сказать. Уток всегда поперек.

Когда я принялся писать эту книжку, задумался о необходимости придерживаться канвы повествования. Ведь именно канва придаст тексту стройность, логичность, неразрывность. Канва в контексте книги – это время. Время течет по прямой, размеренно и строго. И согласно канве события, описываемые автором, должны располагаться по очереди, не

лезть вперед и не отставать, время-время, цигель-цигель, айлю-лю. И стало мне скучно.

Ведь с канвой можно ознакомиться где угодно. В «Википедии» или на десятках сайтов о российских группах и артистах. Там все написано и про меня, и про «Несчастный случай». Родился-учился-женился, родил-развелся, такие-то песни написал, столько-то спектаклей создал, снялся в таком-то кино. Причем весь этот интернет помнит даты и периоды моей жизни гораздо лучше, чем я сам. Я когда писал эту книжку, десятки раз лазил за консультацией в Сеть, чтобы восстановить в памяти время тех или иных событий. Чтобы соблюсти канву. А вот утка там не найдешь.

Тогда я решил, что пусть над канвой трудятся хроникеры, их ныне развелся легион на каждый регион; каждый наш шаг кем-нибудь фиксируется и протоколируется. А я займусь исключительно утком. Посную туда-сюда, протяну сквозь серую канву пестрые ниточки воспоминаний. И стало мне веселее!

Канва – от чего не деться.
Канва – конвой, бредущий с тобой
От даты к дате.
Уток – попытка к бегству.
Хвать за уток, а он ать! – и утек,
И будьте-нате.

Так что прошу, никакой последовательности от этого тек-

ста не ждите. Любое упомянутое событие могло произойти позже последующего и раньше предыдущего. Отвечаю за одно – все они БЫЛИ, хотя, возможно, происходили несколько иначе, чем описаны. Дело в том, и это подтвердит вам любой мемуарист, что память удивительно сортирует и деформирует воспоминания, причем некоторые – непопулярные – искажаются от долгого бездельного лежания на задворках мозга, а другие, которые автор часто и с удовольствием пересказывает, постепенно становятся байками и тоже удаляются от исторической правды, взамен приобретая анекдотическую отточенность. Мои друзья – соучастники почти всех описываемых приключений – помнят их или немного подругому, или вообще иначе, в чем я неоднократно убеждался в разговорах с ними. Ну и пофиг! Не того калибра мы исторические личности, чтобы добиваться скрупулезной точности в описании наших былых подвигов. Сойдет и так.

«От Игоря!»

Играли мы с друзьями когда-то очень хороший спектакль, самый мной любимый, пожалуй. Назывался он «Двое других» и был поставлен по рассказам замечательного русского сатирика Аркадия Аверченко. Было в нем три главные роли, и достались они Максиму Леонидову, Андрею Урганту и мне (вернее, мы так их распределили, поскольку принимали живейшее участие и в создании инсценировки, и в постановке спектакля). И стали мы колесить с этой постановкой по всей России, Украине, Казахстану… В Европу заезжали тоже.

Макс и Андрей – друзья детства, петербургские интеллигенты, оба из прекрасных театральных семей. Известно, что у питерских – собственная гордость, москвичей они слегка недолюбливают… Вот и мои любезные друзья относились ко мне (да и сейчас относятся) так… немножко снисходительно, с приязнью, но снисходительно, как две большие породистые собаки к лохматому щенку. (Почему я сказал «лохматому»? Как это в психологии называется – компенсация? сублимация?)

И вот занесло нас в город Екатеринбург, столицу Урала. Сыграли мы свою постановку (с большим успехом, спектакль был просто бомба, очень смешной) и отправляемся на поезде с центрального вокзала, кажется, в Челябинск. Вокзал огромный, величественный, поезд уже подан, мы забро-

сили вещи в купе и пошли напоследок покурить. Ну, Макс и Андрей пошли курить, а я с ними постоять, потрепаться.

Стоим. Три чувака, каждый под метр девяносто. Прямо от наших ног начинается широкая гранитная лестница, которая спускается к вокзальной площади. На площади – Ленин, за спиной – огромный вокзал. Величественная, как я уже говорил, картина.

И тут я замечаю, что по лестнице к нам поднимается маленький такой скособоченный мужичок, смотрит конкретно на меня и очень развязно подмигивает. В руке у него какой-то блокнот, который он уже начинает протягивать в мою сторону… И главное, смотрит только на меня, а на друзей моих ноль внимания вообще! Они курят. Тоже уже заметили мужичка, поняли, что их он в упор не узнает, и от этого еще более величественными стали, прямо два курящих памятника. Мне неловко, просто жуть! Я уже и так, и этак, и подмигнул этому скособоченному в ответ, и головой на друзей показываю, мол, «смотри, кто тут еще стоит, ого-го, эге-ге!» Этот скотина на них даже не смотрит.

Подошел. Напряжение достигает наивысшей точки. Питерские смотрят на звезды, полностью отвернувши головы. И тут этот дядька каким-то таким залихватским жестом протягивает мне блокнот и говорит: «Ну что, давай! Напиши, значит: “Петюне от… Игоря”!»

Немая сцена. Головы друзей медленно и с удовольствием поворачиваются на меня. Ну, я ему так и написал: «Петюне

от Игоря». Но вопрос: кто этот Игорь? Кто?

И ладно бы такое случилось один только раз (тот случай был просто самым ярким). Но ведь еще как минимум пару раз меня принимали именно за Игоря! Я голову сломал, что за Игорь. Не Скляр. Не Николаев, упаси бог. Кваша? Ни шиша. Верник? Корнелюк? А потом сообразил – Крутой! Игорь Крутой! Или Матвиенко, тоже не хрен собачий. И меня отпустило.

Пили пиво ведрами

В конце восьмидесятых я и мои друзья о-о-о-очень активно занимались театром, буквально в нем жили. А что, да – каждый день без выходных, примерно с шести вечера и до часу ночи. Каждый день на протяжении десятка лет. И одним из моих ближайших друзей и самым ярым фанатиком театра сделался Леша Нестеренко, студент факультета почвоведения. Лешка вел восхитительно безалаберную жизнь, у него была отдельная квартира на Бутырском хуторе, совсем неподалеку от Останкинских заводов, мясного и пивного. Родители его были более чем демократичны, хотя и появлялись время от времени, но замечаний не делали. Поэтому мы часто зависали у Лешки в квартире, по ночам, само собой. Дело в том, что мы постоянно что-то писали, придумывали то спектакли, то капустники, а свободного времени, кроме ночного, на это не было.

Как-то раз решили поздравить нашего режиссера Евгения Славутина с днем рождения. Славутин в то время ставил в театре спектакль под названием «Траектория улитки», где улитку играл живой актер. И все причастные этой улиткой бредили: придумывали пластику, искали какие-то детали костюма. Короче, мы решили подарить режиссеру поделку – фигурку улитки, только необычную. В нашей версии из панциря высовывалась не улиткина мордочка с рожками, а муж-

ской член с яйцами.

Должен пояснить. У некоторых режиссеров есть такая методика – делать разбор пьесы исключительно по Фрейду, мотивировать любые поступки персонажей через половое влечение. Наиболее знаменит своими «чечирками и манюрками» Роман Виктюк, я полагаю. Наш Евгений Иосифович шел своим путем, но параллельным; выражения «ты ее хочешь!», «у тебя уже стоит!», «она уже потекла!» на репетициях звучали постоянно. Я вовсе не говорю, что это плохо, режиссер таким способом добивался нужных ему целей, но мы постоянно над ним подтрунивали по этому поводу.

И вот собрались мы у Лехи лепить улитку с хуем. Мой друг оказался отличным скульптором. Он тут же взял круглую жестянку из-под карамели, обмазал ее пластилином и сформировал панцирь. Мне бы такое в голову не пришло! Затем вылепил два внушительных яйца, проткнул их вязальной спицей подходящей длины и, используя спицу как стержень, принялся творить пластилиновый хрен. И вдруг, когда работа близилась к завершению, мы попали впросак. Оказалось, что ни мой друг, ни я не имеем понятия, как выглядит эрегированный член СНИЗУ. Сверху – да, не раз видали, а вот с другой стороны… Никакой медицинской литературы с картинками в квартире не было. Интернетом тогда еще и не пахло. Решать проблему, разглядывая гениталии друг друга, мы категорически отказались.

Пришлось звать консультант… шу. Была у нас в театре

прекрасная девушка Оля, крутого характера и веселого нрава. Мы ей позвонили среди ночи, она, услышав, ради какой высокой цели ее вызывают, схватила такси и через полчаса была с нами. Пользуясь ее авторитетными указаниями, Алексей долепил улитку. Фигура была выкрашена в темно-вишневый цвет, покрыта лаком и установлена на деревянное основание. Славутин был в восторге. Улитка простояла в его кабинете несколько лет. А потом какая-то глупая уборщица, вытирая пыль со стола, переставила скульптуру на подоконник. Тем же летом пластилиновая фигурка растаяла.

Следующей зимой мы снова собрались у Леши сочинять конферанс для очередной премьеры в театре. Ночь провозились над текстом, ржали, немного выпивали… После короткого сна (юным башкам хватало трех часов, чтобы отлично выспаться) решили, что дела праведные мы завершили и можно предаться полуправедным. Я уже упоминал, что Лехин дом находился в районе Бутырский хутор, совсем неподалеку от Останкинского пивзавода.

Незадолго до того отгремела в Москве Олимпиада-80, и после нее в городе остались павильоны, возведенные для услады туристов и спортсменов. Павильоны изначально были летние, без стен, но большинство из них привели в соответствие с нашим климатом, и вот теперь напротив Останкинского завода ютился сарай – не сарай, ангар – не ангар – какой-

то бетонный уродец со стенами из кирпича.

Однако пиво там было всегда! Сказывалась близость производителя. Для Москвы 1980-х годов это было чудо. Туда мы и решили направить стопы в десять часов утра.

Сияло солнце. Бутырский хутор был завален чистым снегом. Среди сугробов от подъезда до павильона вилась тропинка, вернее, наша тропинка сливалась, как ручеек, с себе подобными и превращалась в торную дорогу, пробитую в снегах желающими пива. Мы с другом, оскальзываясь на льдистой тропе, бодро шагали к цели, как вдруг стали замечать очень неожиданные детали пейзажа. Вокруг тропы, чем ближе к павильону, тем гуще, были разбросаны пластмассовые детские лопатки или совочки – ну, такие, которыми копаются в песочнице. Они были невыразимо ярких цветов – зеленые, красные – и на фоне белого снега и солнца просто резали глаз. Этих лопаток было не две, не десять – штук пятьдесят, не меньше. Что за наваждение?

Мы вошли в павильон, встали в очередь и огляделись. Поначалу ничего не поняли, но быстро сообразили, что к чему. Да и соседи по очереди пояснили.

Кружек, как всегда, не хватало. Их били и воровали, на несколько сотен жаждущих приходилось пара десятков стеклянных кружек, иногда приходилось ждать час, чтобы получить заветное. А неподалеку работал магазин детской игрушки. Там продавались наборы для песочницы – ведерочко и совок. Стоил набор копейки. Совочек сразу выбрасывался

на хрен, а в ведерко влезало аккурат пол-литра пива. Вокруг нас стояли счастливые люди с детскими игрушками в руках. Они пили пиво ведрами.

О габаритах

В 1990 году поминали Бориса Пастернака, со дня его смерти в мае 1960 года прошло тридцать лет. Пастернак стал широко признан и любим, к великому поэту пришла заслуженная, хоть и посмертная, слава. Большими тиражами были изданы его стихи, а главное – роман, знаменитый, таинственный, почти как «Мастер и Маргарита», – «Доктор Живаго».

Тем временем и наша компашка что-то издала, напечатала – несравнимое по масштабу и таланту, но все-таки! Например, в журнале «Кругозор» тиснули гибкую пластинку с двумя нашими песнями; в другом журнале – если не ошибаюсь, «Цирк», вот уж ухмылка судьбы! – про нас опубликовали целую большую статью под названием «Голоса из темноты», в которой похвалили непонятно за что. В общем, локальную известность среди тех, кто был в этом заинтересован, «Несчастный случай» приобрел; одним из интересантов был корреспондент радио «Голос Америки»[1], чьи имя-фамилия начисто стерлись из моей памяти, впрочем как и сама радиостанция из нынешней жизни. Корреспондент этот побывал на нескольких наших концертах и спектаклях Студенческого театра и числился в друзьях; и вот, когда затея-

[1] Радиостанция «Голос Америки» Министерством юстиции РФ признана иноагентом.

ли устроить панихиду по Пастернаку на его могиле в Переделкине (а «Голос Америки» должен был вести оттуда прямой репортаж), пригласил нас, квартет «Несчастный случай», спеть в траурной церемонии.

За несколько лет до того мы сочинили трогательную «похоронную» песню «Аркадий».

Исполнялась она а капелла, без инструментов, была и величественна, и печальна, и удобна для пения над могилой (и по сей день остается таковой, мы ее часто поем в конце концертов). Именно «Аркадия» нас и попросил исполнить ушлый американец, на что мы с радостью согласились.

Приехали в Переделкино. Народу – ужасть, толпы. У самой могилы, у памятника – Вознесенский, Евтушенко, Окуджава. Мы охренели, но старались держаться бодро. Евтушенко в оранжевом пиджаке и сиреневом галстуке – это все, что нашлось в его гардеробе из траурной одежды, – был за конферансье. Когда мы приблизились к группе литераторов, журналистов и простых людей, над могильной плитой размахивал кадилом священник и громко произносил, вернее, выпевал слова поминальной молитвы. Мы четверо потупились и примкнули к толпе; наш американец убежал обделывать свои радиоделишки.

Через минуту Валдис, стоявший со мной рука об руку, толкнул меня под локоть и шепотом спросил: «А чего это он поет?» «Кто?» – в недоумении прошептал я. «Поп! – ответил мой любимый латыш. – Ты послушай – он поет “плюс напоминаем о габаритах!” Во, опять! О каких габаритах? Чего, у Пастернака какие-то габариты были нестандартные, что ли?» Я прислушался к монотонному голосу священника, через небольшое время и правда послышалось отчетливое «плюс напоминаем о габаритах…». Понимая, что происходит что-то несусветное, я собрал волю в кулак, перенастроил

мозг и уши и… уф, расслышал-таки, что на самом деле пел поп. «Дурак ты, Вадя! – сказал я другу. – Не “плюс напоминаем о габаритах”, а “приснопоминаемого Бориса”!» Паша и Сережа уже ржали, как лошади, на которых при жизни, говорят, Борис Леонидович походил лицом.

Потом нас объявил Евтушенко, мы спели как сумели, и нас даже транслировал «Голос Америки».

Слияние и поглощение

Году в 2010-м в России творилось не то чтоб чудо, но и не худо, прямо скажем. Нефтедоллар стоял как у молодого; экономика была проста, как перловая каша, и так же перла из кастрюли. Случались локальные чудеса. Так, например, как раз в 2010-м какой-то новосибирский банк поглотил какой-то московский (а не наоборот, прикиньте!), причем и тот и другой были из первой сотни. Поглотил и как давай ликовать! А ликовали в те годы со стадионным размахом, вот и новосибирцы решили устроить спортивно-музыкальное шоу на центральном стадионе, в Новосибе, естественно.

Меня как старинного друга всех сибиряков пригласили ведущим, ну и спеть там по мелочи пару песен под гитару. Я прилетел с гитарой и звукорежиссером.

Нас встретила подруга Арина, она и организовывала весь праздник, и способствовала, судя по всему, моему ангажементу. Приехали на стадион, отстроили звук, что-то там отрепетировали с шальными от куража банкирами – и на несколько часов оказались свободны. Праздник-то вечером, а на дворе три часа дня.

Ну что, надо пойти пообедать, медленно, со вкусом. Вокруг центрального стадиона довольно много ресторанов (он ведь в центре, все логично), выбор велик. Но мы не стали особенно заморачиваться и втроем – Арина, звукач и я – от-

правились в ближайший, по виду вполне респектабельный. Итак, картина: чуть впереди двигаюсь я в концертном костюме, за мной парень с гитарой в кофре и женщина в нарядном платье. Заходим в рестик.

На входе нас встречает солидный швейцар, он же гардеробщик, очевидно, – но время летнее, гардероб закрыт. Значит, вчистую швейцар. Он сперва с некоторым возмущением смотрит на нас, потом с удивлением, потом чуть ли не с восторгом и, ни слова не говоря и состроив умиленную рожу, пропускает в зал. Тут бы мне уже почувствовать подвох, но нет. Входим.

Столы в зале ресторана установлены буквой П. За центральным столом – аккурат напротив входа – сидят новобрачные. Человек сто гостей. В несколько секунд устанавливается полная тишина. Все уставились на нашу группу (певец, гитара, все дела), и тут в тишине я слышу, как молодая говорит своему обалдевшему мужу: «Ну, Коль, ну ты дал! Ну вот уж я не ожидала…» А Коля смотрит мне в глаза, и я читаю в его взгляде: «Брат… Не подведи!»

Пришлось петь.

Поперек проспекта

В 2002 году мы с Аминой решили пожениться. Забавно, что ни она, ни я не помним, кто кому сделал предложение, кто первым произнес: «Ну что, не пора ли?» Наш брак сложился как бы сам собой, так же естественно, как кусок докторской колбасы ложится на ломоть белого хлеба. Мы уже жили вместе, хотя еще не забеременели, были отчаянно влюблены друг в друга, я познакомил Мусю с родителями и друзьями… Кстати, поначалу мама была шокирована моим выбором – после первого визита Амины в родовое гнездо на Ленинском моя рафинированная родительница отвела меня в уголок и, расширив глаза, произнесла трагически: «Сынок, но она же совершенно дикая!» Я вспыхнул, как бенгальский огонь, и прошипел в ответ: «С двумя недикими я уже пожил, с меня хватит!» Надо отдать должное обеим женщинам, маме и жене, сейчас, после двадцати пяти лет брака, они души друг в друге не чают.

Так вот, решили жениться. Правда, тут же выяснилось, что «для начала – для порядка», как говорил мой дед, обоим надо развестись: Муся была фиктивно замужем, пришлось когда-то подсуетиться ради прописки в Москве, а я – совершенно не фиктивно, а натурально женат на Ире Богушевской, с которой мы не жили уже больше десяти лет, но официально оформить развод все не удосуживались. Слава бо-

гу, эти две проблемы оказались пустяковыми, мы объявили о свадьбе, арендовали ресторан под это дело, и Амина стала шить платье. Мы сразу решили, что нарядим ее в светло-зеленое, салатовое – это вообще ее цвет, очень гармонирует с глазами и растительной удлиненностью конечностей; я всегда называл Мусю «стебелек» или «цветочек». Заказали наряд невесты у дизайнера Маши Цигаль – через знакомых, разумеется, – и, пока платье шилось, купили туфли, красивые, дорогущие, в тот же цвет и на высоченном каблуке.

Амина познакомила меня со своими друзьями по спорту (двое из них стали нашими кумовьями и друзьями не разлей вода – Паша Шишкин и Паша Колобков… Что-то количество Паш в моей жизни просто зашкаливает!), и первый из них – волейболист Шишкин – пригласил нас отужинать в новехоньком итальянском ресторане на Нахимовском проспекте. Паша долго играл за разные итальянские клубы,

жил, соответственно, на полуострове, изучил язык – и в кухне тамошней разбирался великолепно; мы понимали: если Павел рекомендует, нужно идти. Мы с будущей женой с удовольствием приняли приглашение и приехали в район метро «Профсоюзная».

Катались мы с Мусей в ту пору на ее серенькой «Дэу Нексия» узбекской сборки, что вполне логично, так как жена моя родом из Узбекистана. Машину ей подарили поклонники таланта, что почему-то не вызывало у меня никакой ревности, а лишь удовлетворение и понимание; думаю, дело в том, что «Дэу Нексия» не может претендовать на ревность. Где была моя собственная, мужская, так сказать, машина? А не помню, то ли разбил, то ли продал и не успел купить следующую… Короче, перемещались на Амине. Как раз в тот день, вечером которого была назначена встреча в ресторане, Муся купила туфли, показала мне, похвасталась и положила коробку с обувью в багажник авто. Отправились на встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.